НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

ЛЕЙПЦИГЪ,
Вольфгангъ Гергардъ.

LEIPZIG,
Wolfgang Gerhard.

1859.

Пр.

2 шк.
П.

Библиотека ООН
Академия Наук СССР

408
37

Молитва.

Я слышалъ — въ келіи простой
Старикъ — молитвою чудесной,
Молился тихо предо мной:

„Отецъ людей! Отецъ небѣсный!
Да Имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами
Какъ въ небѣсахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою! —
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости Отецъ своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья!

И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ“.....
предъ крестомъ
Такъ онъ молился! Свѣтъ лампады
Мерцалъ чуть-чуть издалека....
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика!

А. Пушкинъ.

Цапли.

Жилъ, да былъ пѣтухъ индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И услышалъ Саваоѳъ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ, —
Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

Цапли чахли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

А. Пушкинъ.

Посланіе Аркадію Гавриловичу Родзянко.

Ты обѣщалъ о романтизмѣ,
О семъ Парнасскомъ Аѳеизмѣ
Потолковать еще со мной
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
А пишешь мнѣ объ ней одной...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ Пиронъ Украйны!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей
Дороже славы разногласной...
Поговоримъ опять объ ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ рожать дѣтей
Подобныхъ матери своей;
И щастливъ кто раздѣлитъ съ ней

Сію пріятную заботу —
Ненаведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.

Но не согласенъ я съ тобой,
Не ободряю я развода:
Во первыхъ, Вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа....

А во вторыхъ замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы.
Повѣрьте, милые мои:
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

А. Пушкинъ.

1826 Г.

Кавказъ.*)

За горами горы, хмарой повыты
Засіяны горемъ, кровью полыты
Съ поконъ вику Прометея
Тамъ орелъ карае
Що день Божій добри ребра
Й серце розбывае
Розбывае та не выпье
Живу̀чои крови,
Вона знову оживае
И сміетця знову
Не вмирае душа наша
Не вмирае воля
И несытый не выдере
На дни моря — поля

*) Слѣдующія стихотвотренія были намъ присланы, на малороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ что Стихи Шавченки — выраженіе всеобщихъ, накипѣвшихъ слезъ не онъ плачетъ о Украйнѣ — она сама плачетъ его голосомъ.
Примѣч. Редактора.

Не скуѐ души живо̀и
И живого слова
Не понесе слава Бога
Велыкаго Бога!

Не намъ на при зъ тобою статы,
Не намъ дила твои судыть,
Намъ тильки плакать, плакать, плакать,
И хлибъ насущный замисить,
Кровавымъ потомъ и сліозами...
Каты згнущаютця надъ нами,
А правда наша — пьяна спыть....
Колыжъ воны прокоснутця?... Колыжъ одпочыты
Дасы Боже утомленнымъ и намъ дасьѐ житы?...

Мы вируемъ твоій сыли,
И слову твоему,
Встане правда, встане воля,
И тоби Едному
Поклонятца вси языки
На ви́ки и вики!.....
А покищо — течутъ рики,
Кровавый ри́ки!.....

За горами горы хмарою повыты
Засіяны горемъ, кровью полыты

Оттòмъ то милостивы мы
Ненагодовану и гòлу
Застукалы сердешну долю
Тай цькуемò лягли кисть мы
Людей муштрованныхъ, чы мало?
А сліозъ?... а крови.... напоить
Всихъ Цàрскивъ бы стало
Зъ дитьми и внуками
Въ сліозахъ вдовыци и дивочихъ
Пролытыхъ нышкомъ середъ нóчи...
А матернихъ горячихъ сліозъ!
А бàтькиныхъ стòрыхъ кровавыхъ?...
Не рики — море розлылось —
Огненне море —!... Слава, слава!
Хортàмъ и гончимъ и псарямъ
И нашимъ батюшкамъ Царямъ.

Слава!
И вамъ слава сыни гòры
Крыгою окути
И вамъ дыкари велыки
Богомъ незабуты...
Борытця — побòрете! Вамъ Богъ помогае
За васъ сыла, за васъ воля
И правда святая!
Чурèкъ и сакля все твое

Воно непро́шене й не дане
Нихто не визме за свое
Не поведе тебе въ кайданы!...
. . . . . .
. . . . . .
На те нисчасны мы
Чытаемъ Божіи глаголы
И адъ глыбо́кои тюрьмы
Та до высокаго Престолу
Уси мы въ золоти . . . . . .
. . . . . Мы не погани,
Мы настоящи Христіане,
Храмы, иконы,
Все добре, самъ Богъ у насъ....
Намъ тильки сакля въ очи коле
Чого̀ вона стоитъ у васъ
Не наши за̀но!... И чомъ мы вашъ
Чуре́къ же вашъ, до вамъ неки́немъ
Якъ тій соба̀щи... и чо̀мъ вы намъ
Платыть за сонце неповынни!...
. . . . . .
. . . . . .

И тильки жъ то? мы малымъ сыты
А зато колыбъ вы зъ нами подружылысь
Бога̀то-де чого̀ бъ навчылысь:

У насъ же й свита якъ на те —
Одна Сибирь неисходыма!
А тюрьмъ, а люду — що й лычить!
Отъ молдаванына до Финна
На всихъ языкахъ, вси молчатъ —
Бо благоденствуемъ!... у насъ
Святую Библію чытае
Святый Чернѣцъ и наука̀е
Що царь якій — съ то свыній пасъ,
Та дружню жинку взявъ за сѐбе
А друга вбывъ — теперь на неби....
Ось бачь яки у насъ сыдять на неби!
Вы ще тѐмны
Святымъ Хрестомъ непросвѣщенни
У насъ научытеся.....
У насъ — деры, деры — та дай
Тай прямо въ рай
Дочь и ридню всю забырай!

У насъ... Чого то мы не вміемъ?!
Французьки лаемъ, гричну сіемъ,
Продаемъ, або у карты програемъ
Людей..... — не Нѐгривъ, а такихъ
Таки крещеныхъ, то простыхъ....
Мы не Гишпа̀не; крый насъ Боже!

Щобъ крàдене перекупать
Якъ ти жиды.... мы по закону!
По закону Апостола
Вы любыте брата
Суесловы лицемѣры
Господомъ прокляты!
Вы любыте на братови шкуру
А не душу — той луныни позакону.
Доцци на кожушòкъ
Жинци на потѝмки
Байстрюкови на прúдàне
Собижъ на тѐ, чого не знаютъ
Ни диты, ни жинка.
За кого жъ ты роспынався
Хрысте Сыне Божій!
За насъ добрыхъ, чы за слово истинны?
Чье може, щобъ за тебе насміялысь?
Воно жъ такъ и сталось!!!... —
Храмы, капльщи и иконы
И стóлпыми и мирры дымъ
И передъ образомъ Твоимъ
Неутомленніи поклоны,
За кражу, за війну, за кровь,
Що братню кровь пролыти просятъ
А потимъ въ даръ Тоби приносятъ
Съ пожару вкраденный покровъ.

Просвитылысь, та ще хочемъ другихъ про-
свитыты
Сонце правды показать, слипымъ, бачымъ,
дытямъ
Всему научимь — тильки дайте себя въ руки
взяты
Якъ и тюрьмы муровàты
Кайдàны коваты,
Якъ ихъ носúть, и якъ плести
Кнуты узловàты;
Всему научымъ, тильки дайте свои гòры,
Остатки гòры — бо все взялы и поле и море.

И тебе загнàлы мій друже единый
Мій Якове добрый! — Не за Украину,
А за ій ката довелось пролыть
Кровь добру, не чорну, — довелось запыть
Зъ Москòвскои чарки, Московску отраву
О, друже мій добрый, друже незабутый,
Живòю душòю въ Украйни вытай;
Литай зъ козакомъ по надъ берегамы
Розрыты могылы въ степý выглядай,
Заплачь зъ козаками дрúбными слiозамы,
И мене зъ неволи въ степу выглядай.

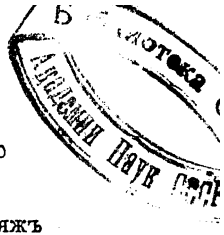
Шавченко.

Холодный Яръ.

У всякого свое лыхо
И въ мене те лыхо
Хочь не свое, позычене
А все таки лыхо.
Нащобъ баньця тѐ згадувать
Що давно мынуло,
Будѝть Богъ знае колышне
Добре що заснуло.
Хочь и яръ той: воне до ѝого
И стежки малѝи
Не осталось и здаетця
И то нихто й ногою
Не ступывъ тамъ, а згадаешъ,
То була й дорога
Зъ монастыра Мотрынова
До яру страшного
Въ яры колысь Гайдамѝаки
Табором стоялы
Логодылы самопалы,

Ратыщо стругалы.
У яръ тоди сходылыся,
Мовъ изъ хреста зняты
Батько зъ сыномъ, а братъ зъ братомъ
Одностойне статно
На ворога лукаваго
На лютаго Ляха.
Дежь ты дився въ яръ глыбокій
Протоптанный шляху?
Чы самъ зорисъ темнымъ лисомъ,
Чы то засадилы
Нови каты? Щобъ до тебе
Люде не ходилы.
На параду що имъ дiять
Зъ добрыми панами,
Людоидами лыхыми,
Новыми Ляхами,
Не сховаете, — надъ Яромъ
Зализнякъ выта̀е
И на Умàнь позыра̀е
Гонту выглядае,
Не ховайте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобнымъ
Лютого Нерона.
Не славтеся царевою

Святою войною
Бо вы й сами не знаете
Що царыки ноять;
А крычытѐ, що несетѐ —
И душу и шкуру
За отечество.... Ей Богу
Овеча натура!
Дурный тыю подстовляе
И не знае зà що,
То ще й Гонту зневажае, —
Ледаче, ледащо:
„Гайдамакы не воины
„Разбойники, воры,
„Пятно въ нашей Исторіи!“...
Брешешь людоморе!
За святую правду — волю
Розбійнымъ не стане
Не роскуѐ закованный
У ваши кайданы
Нородъ тёмный;
Не зариже лукавого сына
Не розибье живѐ сѐрце
За свою Краину
Вы разбойники несыты
Голодни вороны;
По якому правдывому



Святому закону —
И землею всимъ данною
И сердешнымъ людомъ
Торгуете.... стережытцяжъ
Бо лыхо вамъ буде
Тяжко лыхо! Дурыть дитей
И брата слипо̀го,
Дурыть себя, чужыхъ людей
Но недурыть Бога
Бо въ день радости надъ вами
Роспадетця ка̀ра
И повіѐ новій огонь
Съ Холоднаго Яра! —

Шавченко.

Думка.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середъ степу широкого
На Краини мылій;
Щобъ лапы широкополи
И Днипро и Круча
Було видно; було чуты
Якъ ревѣ ревучій,
Якъ то течѣ зъ Украины
У сынее море
Кровъ ворѫжа... оттоди я
И лапы и горы
Все покину и полечу
До самого Бога
Молитыся.... а дотого
Поховайте, то вставайте
Кайданы порвите,
И врѫжою, злою кровью
Волю окропыте.
И мене въ семьи велыкій
Въ семьи вольній, новій,
Не забудьте помянуты
Не злымъ, тыхимъ словомъ.

Шавченко.

Розрыта могила.

Свите тыхій, краю милый,
Моя Украина.
Защо тебе сплюндровано,
Защо мамо гинешь?
Чы ты рано до схидъ сонца
Богу не молылась,
Чи ты диточекъ непевныхъ
Звычаю невчыла?
Молылася, турбовалась,
День и ночъ неспала
Моихъ дитокъ доглядала
Звичаю навчала.
Выросталы мои диты
Мои добри квиты
Понувала и я колысь
На широкимъ свити
Панувала... О Богдане
Нерозумный сыну

Подывысь теперь на матеръ
На свою Краину,
Що колытучи спивала
Про свою недолю
Що спиваючи рыдала
Выглядала волю.
Ой Богдàне Богдàночку,
Якъ бы булá, знала,
У колысци бъ придутыла,
Подъ серцемъ приспала,
Степы мои запродани
Жидови, Нымоти
Сыны мои на чужы́ни,
На чужій работи.
Днипро́, братъ мій, высыхае
Мене покидае,
И могилы мои милы
Москаль розрывае.....
Нехай рые, роскопуе
Не свое шукае....
А тымъ часомъ перèвертни
Нехай пидростають,
Та поможуть Москалеви
Господароваты.....
Та зъ матери полàтану
Сорочку здійматы....

Помогайте недовчодны,
Матиръ катуваты...
Нà четверо роскопала
Розрыта могила,
Чого воны тамъ шукалы
Що тамъ схоронылы
Стары батьки? — Эхъ якъ бы — то,
Якъ бы то знайтвы те, що тамъ схоронылы,
Не плакалы бъ диты, матибъ, не рыдала!

Шавченко.

Думка.

За думою дума роемъ вылитае
Одна дàвыть серце, друга роздырае
А третяя тыхо, тыхесенько плаче
У самому серци, може й Богъ небачыть
Кому жъ ій покажу я
И хто тую молу
Привитое, угодае,
Велыкее слово?
Вси оглухлы, похилылысь
Въ кайданахъ — байду же...
Ты сміешся, а я плачу
Велыкій мій друже,
А що вродыть зъ того плачу?
Богинòва брате.....
Незаревуть въ Украини
Вольніи гармàты,
Не зариже батько сына,
Своеи дытыны,

За честь, славу, за братерство
За волю Краины;
Не зариже, выкохае
То й продасть въ ризныци
Москалеви.... цебъ тобачышь
Лепто у довыцы,
Престолови, отечеству,
То Нымоти плата —
Нехай брате — а мы будемъ
Сміятця, та плакать.

Шавченко.

И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе.

Аще кто речетъ, яколюблю
Бога а брата своего ненавидитъ
— ложь есть. Іоанн. гл. IV ст. 20

И смеркае и свитае
День Божій минае
И знову людъ потомленный
И все спочивае.
Тольки я мовъ окаянный
День и ночь блукаю
На роспуттяхъ велелюдныхъ
И нихто небачыть
И небачыть и незнае;
Оглухлы, нечують,
И Господа вневожають
Людей запрягаютъ
Въ тяжки ярма. Орють лыхо,

Лыхомъ засиваютъ
А що вродыть? Побачыю
Яки будутъ жныва!
Схаменытця недолюдни
Диты юродывы,
Подывитця на край тыхій
На свою Краину;
Полюбыте щирымъ серцемъ
Велыку руину!
Раскуйтеся, братайтеся;
У чужому краю —
Не шукайте, не пытайте
Того що немае
И на неби, а нетильки —
На чужому полю;
Въ своій хати — своя правда
И сыла и воля! —

Нема на свити Украины
Немае другого Днипра
А вы претеся на чужбину
Шукаты добраго добра,
Добра святаго, воли, воли!
Братерства братняго! Найшлы —
Неслы, неслы зъ чужого поля
И въ Украину принеслы

Великихъ словъ, великихъ силу —
Тай бильше ничòго. Крычыте
Що Богъ создавъ васъ не на те,
Щобъ вы неправди поклонялись! —
И хилытѐсь якъ хилылысь,
И знову шкуру деретѐ
Зъ бративъ незрячихъ, гричкосіивъ,
И сонця правды дозривать.
Въ Нымѐцьки земли, нечужіи
Претѐся знову! Якъ бы взять
И всю мистерію зъ собою
Дидàми крадене добрò,
Тодибъ зостався сыротою
Зъ святыми горами Днипрò! —

Отъ якъ бы те сталось, що бъ вы не вертылысь,
Щобъ тамъ издыхалы де бы поросты
Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала,
Не чулыбъ у Бога вашои хулы.

И сонце не грилобъ смердячого того
На чыстій, широкій, на вольній земли,
И люди бъ не знаты що вы за òрлы
И не покивалы бъ на васъ головою! —

Схаменытця, будьте люде, —
Бо лыхо вамъ буде,

Раскуютця незаборомъ
Заковани люде.
Настане судъ: заговорятъ
И Днипро̀ и горы
И потечѐ сто риками
Кровъ у сыне море
Дитей вашыхъ.... И не буде
Кому помогаты:
Одцура̀етця братъ брата
И дитына маты;
И дымъ хмарою заступыть
Сонце передъ вамы,
И на вики проклянѐтесь
Своими сынами;
Умылтеся! Образъ Божій
Бачномъ не скверните,
Не дурыте дитей вашихъ
Що воны на свити
На те тильки, щобы пануваты;
Бо невечѐне око
Заглянѐ имъ въ саму душу,
Глыбоко, глыбоко!
Дознаютця небожата
Чьея на васъ шкура
Тай засядуть.. и премудрихъ
Немудри одурять. —

Якъ бы взылысь, такъ якъ треба,
Той мудрость бы була своя,
А то зализѐте на небо:
„И мы не мы, и я — не я.
„И все то бачывъ и все знаю
„Нема ни пекла и ни раю
„Нема и Бога — тильки я!...“
Та куцый нымецъ узловатый
А бильшь никого.... добре брате,
Що жъ ты такѐ? —
„Нехай скаже
„Нымецъ, мы не знаемъ....“
Оттакъ товы навчàетесь
У чужому краю!
Нымецъ скаже: вы Моголы,
„Моголы, Моголы,
„Золотого Тамерлана
„Онучаты голы!“
Нымецъ скаже: вы Славяне,
„Славяне, Славяне
„Славныхъ прадидывъ велыкихъ
„Правнуки погани!“
И Калляра читаете.
Зъ у сіеи свелы
И Шафарика и Ганку
И въ словянофилы

Такъ и претѐсь.... и вси мòвы
Славянскаго люду,
Вси знаете,... а своѐи
Дастъ Богъ... колысь бу́дешъ
По своему глаголаты
Якъ нымецъ покаже
А до того й исторію
Намъ нашу роскаже.
Оттоди мы захòдымось!
Добре! заходылысь!
По Нымецкому показу
Та й заговорылы,
Такъ чтой нымецъ невторопà
Учытель велыкій,
А не те, щобъ про́сти люде!
А гвалту, а крыку!
„И гармонія и сила!...“
Музыка — та й годи
А Исторія? „Поэма
„Вольного народу,
„Щоти Римляне убоги
„Чорто зна що — не Бруты!
„У насъ Бруты и Коклесы,
„Славни, незабуты;
„У насъ воля выростала
„Днипромъ умывалась,

„У головы горы клала
„Степомъ укрывалась!...“
Кровью вона умывалась
А спала на купахъ,
На казацкихъ вольныхъ трупахъ
Окраденныхъ трупахъ

Подывытця лышень добре
Прочитаите знову
Тую славу. Та читайте
Одъ слова до слова,
Не мынайте а ни титла
Ниже тіи комы,
Все разберыть,.... та спытайте
Тоди себе: що мы?
Чіи диты? Якихъ батькивъ?
Кимъ, за̀ що закути?
То й побачыте що... ось що,
Ваши славни Бруты:
Рабы пидныжки, грязь Москвы,
Варшавске смиття ваши паны
Ясневельможные гетьманы
Чого жъ вы чванытеся, вы,
Сыны сердешной Украины?
Що добре ходыте въ ярми,

Ще лучше якъ батьки ходылы?
Не чваньтесь! Зъ васъ дерутъ ремень,
А зъ ихъ бувало й лій топылы.
Може чванытесь, що братство
Вижу заступыло,
Що Сынопомъ, Трапезунтомъ
Галушки ворыло?
Правда, правда! Найдалысь,
А вамъ теперь водыть
И но Сичи мудрій нымець
Картопельку садыть;
А вы еи купуете
Истѐ на здоровье
Та славите Запорожье....
А чьею кровью
Отà земля напоена,
Що картопля ро́дыть?
Вамъ байду же... а бы добра
Була для горо̀ду!
А чваньтѐсь, щомы Польшу
Колысь завалылы;
Правда ваша Польша впà ла
И васъ роздавыла!

Такъ ось якъ кровь свою лылы
Батьки за Москву и Варшаву

И вамъ сынамъ передалы
Свои кайда̀ны — свою славу.

Доборолась Украина
До самого краю,
Гирше Ляха свои диты
Ии роспинаютъ.
Замúсь пыва проведную
Кровь изъ реберъ точатъ
Просвитыты, кажуть, хочуть
Материны очи,
Современными огнями
Повесты за викомъ,
За Нымцями — недорику,
Слипую калику.
Дòбре! Ведыть, показуйте —
Нехай стара маты
Навчаетца, якъ дитей тыхъ
Новыхъ доглядàты.
Показуйте! за науку
Не турбуйтесь — буде
Материна добра плата;
Распадетця луда
На очахъ вашихъ несытыхъ...
Побачыте славу —
Живу славу дидывъ своихъ

И батькòвъ лукавыхъ!
Не дурыте сами себе,
Учытесь, чытайте
И чужому научайтесь
И своего нецурайтесь:
Бо это матерь забувае,
Того диты цураютця
Въ хату не пускаютъ,
Чужи люди прогоняютъ
И не мое злому
На всій земли безконечной
Веселого дому.
Я рыдаю якъ згадаю
Дила незобути
Дидывъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забуты
Я оддавъ бы веселого
Вику половыну.
Отъ то она наша слава
Славо Украины!
Оттакъ и вы прочитайте
Щобъ не соннымъ снилысь,
Вси неправди, щобъ раскрылысь
Высоки могилы
Передъ вашими очами
Щобы роспиталы —

Мученькивъ: кого, колы
За́що роспыналы!
Обнымитежь браты мои
Найменьшо́го брата
Нехай маты усмихнетця
Заплаканы маты!
Благословить дитей своихъ
Твердыми руками
И жиночокъ поцилуйте
Вольными устами.
И забудетця́ срамотна
Давняя годына
И оживе́ добра слава
Слава Украины!
И свитъ ясный, невечерній
Тыхо засіяе...
Обнымытця жъ браты мои
Молю васъ, благаю.

Шавченко

В. Л. Пушкину.

Скажи парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ,
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера
Вотъ кажется святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса Храбреца;
Но не на Глинку офицера
Довольно плоскаго пѣвца,
Не нужно мнѣ его примѣра...
Ты скажешъ: перестань болтунъ!
Будь человѣкъ, а не драгунъ;

Парады, караулъ, ученья
Все это оды не внушитъ,
А только душу изсушитъ,
И къ Марину для награжденья
Быть можетъ прямо за коцитъ
Пошлютъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ —
Ты съ дипломатикой косой!
Кропай мой другъ посланья къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета —
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака,
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
И плѣнъ могучаго Махмета,
И мужа модные рога;
Который милостію Бога
Министръ и сладостный пѣвецъ
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога.
Все такъ, почтенный дядя мой,

Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры;
Уменъ, кто хитрости рукой
Переплетаетъ межъ собой
Дипломатическіе вздоры
И правитъ нашею судьбой.
Смѣшенъ конечно мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ святцахъ онъ достоинъ.
Что восхитительнѣй, живѣй,
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завиднѣй кроткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла

Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы враги трудовъ и славы
Питомца Ѳеба и забавы
Вы мирной праздности друзья
Шепну вамъ на ухо вы правы
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу
Свой рай и счастіе глупцамъ,
Злословіе мущинъ и моду
Конечно для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всѣхъ, — а намъ —
Уединенье и свободу!

А. Пушкинъ.

1817.

Цензору.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давній мой!
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной
Цензуру поносить хулой неосторожной!
Что нужно Лондону, до рано для Москвы,
У насъ писатели я знаю каковы:
Ихъ мыслей не стягнетъ цензурная разправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во первыхъ искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безсмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи:
То прозу глупую, то глупые стихи!
Россійскихъ авторовъ нелегкая тревожитъ,
Тотъ англійскій романъ съ французскаго преложитъ,
Тотъ оду сочинитъ, потѣя и крехтя,
Другой трагедію напишетъ намъ шутя;
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, — а ты читай, бѣсися,
Зѣвай сто разъ, засни, а послѣ подпишися.
Нашъ цензоръ мученикъ; порой захочетъ онъ

Умъ чтеньемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье;
Но долженъ посвятить безмолвное вниманье
На бредни новыя какаго-то враля,
Которому досугъ пѣть рощи, да поля!
Да связь утратя въ нихъ, ищи ея сначала,
Или вымаравай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань,
Учтивыхъ авторовъ затѣйливую дань!
Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный,
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный,
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ,
Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ,
Закону преданный, отечество любя;
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателей, предъ знатью не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты глупецъ и трусъ? что дѣлаешь ты съ нами?
Гдѣ должнобъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая насъ, мараешь и дерешь,
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
Сатиру — пасквилемъ, поэзію — развратомъ,

Гласъ правды — мятежемъ, Куницина — Маратомъ,
Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси
Благодаря тебѣ не видимъ книгъ доселѣ?
И если говорить задумаешъ о дѣлѣ,
То славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя!
Остались намъ стихи: поэмы, тріолеты,
Баллады, басенки, элегіи, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутныя цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ владѣтель русской лиры —
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры!
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ,
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца, порывъ столь чистый, благородный,
Ничто не трогаетъ души твоей холодной.....
На все кидаешъ ты косой невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишъ ядъ!
Оставь пожалуй трудъ ни мало не похвальный;
Парнасъ не монастырь, и не гаремъ печальный;
А право, никогда искусный коновалъ
Излишней пылкости Пегаса не лишалъ:
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,

Тотъ незнакомъ тебѣ, — мы знаемъ почему,
И рукопись его не погибая въ летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ
И Пушкина стихи въ печати не бывали,
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое несешъ, и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едвали Шаликовъ не вредный человѣкъ!
Зачѣмъ себя и насъ терзаешъ безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишъ ясно въ немъ,
Свой долгъ, свои права, пойдешъ инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный —
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хотъ въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица!
Державинъ, бичь вельможъ при звукѣ громкой лиры,
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры!
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ?
Наперстникъ душеньки двусмысленно шутилъ —
Киприту иногда являлъ безъ покрывала,
И никому изъ нихъ цензура немѣшала...
Ты что-то хмуришся? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлались они?
Ты въ этомъ виноватъ? Передъ тобой зерцало

Дней Александровыхъ прекрасное начало!
Повѣдай, что въ тѣ дни произвела печать?
На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,
Старинной глупости мы праведно стыдимся;
Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
Когда никто не смѣлъ отечество назвать
И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время:
Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
Исправся жъ, будь умнѣй и сбрось вражды ты бремя.
„Но можноль цензору по совѣсти судить?
Конечно вамъ смѣшно, а я нерѣдко плачу,
Я долженъ то того, то этого бранитъ!
Читаю, да крещусь, мараю на удачу.
На все есть мода, вкусъ; бывало напримѣръ:
У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
А нынѣ и Милотъ попался въ наши сѣти!“
Я бѣдный человѣкъ, къ тому жъ жена и дѣти!“
Жена и дѣти, другъ, повѣрь большое зло,
Отъ нихъ все скверное у насъ произошло;
Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
Тебѣ скорѣй домой убраться осторожно
И службою своею ты нуженъ для царя,
Хотъ умнаго себѣ возьми секретаря!

1816. А. Пушкинъ.

Льву сергѣевичу Пушкину.

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишенъ разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

А. Пушкинъ.

181—

Це видання є фотоскопічне відтворення видання „Пушкин и Шавченко", 1859 р., Лейпціг, з примірника, що зберігається в Народному Комісаріаті Освіти УРСР.

Державне Літературне Видавництво УРСР

Відповідальний
по випуску
Н. Д. Чередник
Техкерівник
Я. Бронштейн

Друкарня ім. М. В. Фрунзе. Харків, вул. Фрунзе, 6. Уповноважений Головліту 278. Замовлення 68. Тираж 3.000. 3 друк. арк.

Видання 726. Пап. ф. 72 × 110. Здано в роботу 25-XI-36 р. Підписано до друку 28-I-37 р.